

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.М.Асельдерева, К.Г.Рабаданова, Г.К.Сулейманова и Е.В.Тарышкина

город Санкт-Петербург

21 марта 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального

закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явились коллективная жалоба граждан А.М.Асельдерева, К.Г.Рабаданова и Г.К.Сулейманова и индивидуальная жалоба гражданина Е.В.Тарышкина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно вступившему в силу с 1 января 2012 года пункту 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел – увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением сотрудника за преступление, а также в связи с прекращением в отношении сотрудника уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием.

1.1. Приказом Министерства внутренних дел по Республике Дагестан от 6 июля 2012 года граждане А.М.Асельдеров и К.Г.Рабаданов, а приказом от 10 августа 2012 года – гражданин Г.К.Сулейманов, проходившие службу в органах внутренних дел (полиции), были уволены со службы на том основании, что в феврале 2002 года, марте 2006 года и в декабре 2001 года соответственно в отношении них были прекращены в связи с примирением сторон уголовные дела частного обвинения. Решением Советского районного суда города Махачкалы от 9 августа 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан от 9 октября 2012 года, в удовлетворении требований А.М.Асельдерова и К.Г.Рабаданова о восстановлении на службе отказано, равно как решением того же суда от 14 сентября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан от 14 ноября 2012 года, отказано в восстановлении на службе Г.К.Сулейманова.

Гражданин Е.В.Тарышкин, также проходивший службу в органах внутренних дел, приказом Министерства внутренних дел по Республике Татарстан от 21 февраля 2013 года был уволен со службы на том основании, что в отношении него в июле 2005 года было прекращено в связи с примирением сторон уголовное дело частного обвинения, возбужденное по части первой статьи 130 УК Российской Федерации. Решением Заинского городского суда Республики Татарстан от 7 мая 2013 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 22 июля 2013 года, в восстановлении на службе ему было отказано.

Оставляя искивые требования заявителей без удовлетворения, суды исходили из того, что дальнейшее прохождение ими службы в органах внутренних дел невозможно в силу пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», поскольку возбужденные в отношении них уголовные дела были прекращены по такому нереабилитирующему основанию, как примирение сторон. При этом аргумент Е.В.Тарышкина о том, что к моменту его увольнения статья 130 УК Российской Федерации утратила силу в связи с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», судами был отвергнут: суд апелляционной инстанции указал, что сам факт привлечения сотрудника органов внутренних дел к уголовной ответственности является безусловным препятствием для дальнейшего прохождения службы; суды не нашли возможным применить в деле Е.В.Тарышкина закон, устранивший уголовную ответственность за вмененное ему деяние.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобах, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» своих конституционных прав, в том числе закрепленных статьями 15, 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, заявители усматривают в том, что содержащееся в нем законоположение служит основанием для увольнения со службы в

органах внутренних дел лиц, в отношении которых уголовные дела частного обвинения были прекращены в связи с примирением сторон до вступления данного законоположения в силу; вводя безусловный и бессрочный запрет на прохождение службы в органах внутренних дел для таких лиц и не предусматривая при этом необходимость учета вида и степени тяжести инкриминированного лицу преступления, формы вины, срока, прошедшего с момента прекращения уголовного преследования, обстоятельств, характеризующих личность, поведение лица после прекращения его уголовного преследования, в том числе отношение к исполнению служебных обязанностей, это законоположение несоразмерно ограничивает право указанных лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду, получение установленных законом социальных гарантий и нарушает баланс конституционно значимых ценностей. Гражданин Е.В.Тарышкин, кроме того, указывает, что оспариваемое законоположение по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, допускает увольнение со службы сотрудника органов внутренних дел в связи с привлечением его к ответственности за совершение деяния, декриминализованного к моменту увольнения новым уголовным законом.

Таким образом, пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой он служит основанием расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел о прохождении службы в органах внутренних дел и увольнения его со службы в случаях, если в отношении него уголовное преследование по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления данного пункта в силу, в том числе когда инкриминируемое сотруднику органов внутренних дел деяние к моменту увольнения декриминализовано.

2. Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4).

В силу приведенных конституционных положений во взаимосвязи с конкретизирующими их положениями федерального законодательства о государственной службе в Российской Федерации служба в органах внутренних дел, в том числе в полиции, заключая контракт о прохождении которой гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и на выбор рода деятельности, представляет собой вид правоохранительной службы – профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина.

Указанная деятельность осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 23 апреля 2004 года № 9-П и от 15 июля 2009 года № 13-П).

Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим

характером деятельности указанных лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П и от 18 марта 2004 года № 6-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 460-О, от 16 апреля 2009 года № 566-О-О и от 25 ноября 2010 года № 1547-О-О).

Граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, в свою очередь, соглашаются с ограничениями, которые обуславливаются приобретаемым ими правовым статусом, а потому установление особых правил прохождения государственной службы, включая правоохранительную службу, и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, находится в полном соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей в установленных ею целях ограничения прав граждан федеральным законом, и не противоречит пункту 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111 1958 года относительно дискриминации в области труда и занятий, согласно которому различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определенной работой, не считаются дискриминацией (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 30 июня 2011 года № 14-П и от 21 марта 2013 года № 6-П).

Осуществляя в соответствии со статьей 71 (пункты «г», «м», «т»)) Конституции Российской Федерации правовое регулирование отношений, связанных с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, в том числе устанавливая требования к сотрудникам, проходящим службу в органах внутренних дел, обусловленные возложением на них обязанностей правоохранительной деятельности, и

последствия невыполнения этих требований, федеральный законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации принципы справедливости, равенства и соразмерности, а вводимые им нормы должны отвечать критериям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 30 июня 2011 года № 14-П, от 21 марта 2013 года № 6-П и от 18 июля 2013 года № 19-П).

Такой подход, вытекающий из статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласуется, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 27 июня 2012 года № 15-П, от 21 мая 2013 года № 10-П и от 18 июля 2013 года № 19-П; Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П), с общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности со статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что каждый человек при осуществлении своих прав и свобод должен подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. В силу пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» прекращение уголовного преследования в отношении сотрудника органов внутренних дел

в связи с примирением сторон является основанием расторжения с ним контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и увольнения со службы. Данное правило применительно к службе в полиции было закреплено в пункте 3 части 1 статьи 29 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», согласно которому сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции в случае прекращения в отношении него уголовного преследования в связи с примирением сторон.

Приведенные законоположения во взаимосвязи с предписаниями части 5 статьи 17 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части 3 статьи 35 Федерального закона «О полиции», согласно которым не могут быть приняты на службу в органы внутренних дел, в том числе в полицию, граждане, уголовное преследование в отношении которых прекращено в связи с примирением сторон, устанавливают безусловный и бессрочный запрет для названных лиц на прохождение службы в органах внутренних дел.

По своей правовой природе обязательное и безусловное расторжение с сотрудником органов внутренних дел контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и его увольнение со службы, предусмотренное пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в системе действующего правового регулирования непосредственно не относится к мерам уголовно-правового воздействия: оно введено федеральным законодателем в качестве особого дисквалифицирующего препятствия для занятия должностей в органах внутренних дел, сопряженного с повышенными репутационными требованиями к сотрудникам органов внутренних дел как носителям публичной власти, что обусловлено возложенной на них обязанностью по применению в необходимых случаях мер государственного принуждения и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий.

В таких случаях увольнение осуществляется в силу закона как следующее самому факту прекращения уголовного преследования сотрудника органов внутренних дел в связи с примирением сторон, т.е. является его общеправовым последствием.

Кроме того, прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон не порождает права на реабилитацию (статья 133 УПК Российской Федерации), поскольку, не подтверждая и не опровергая обоснованность уголовного преследования лица, в отношении которого оно осуществлялось, не исключает его потенциальную опасность (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П).

3.1. Предусмотренное положением пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обязательное и безусловное расторжение с сотрудником органов внутренних дел контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и его увольнение со службы в случае прекращения в отношении него уголовного дела в связи с примирением сторон производится независимо от того, когда такое прекращение имело место – после вступления в силу данного пункта (с 1 января 2012 года) или до этой даты.

Между тем до его вступления в силу сотрудники органов внутренних дел, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с примирением сторон, не рассматривались как подлежащие увольнению по данному основанию. При этом деяние сотрудника органов внутренних дел, послужившее основанием возбуждения в отношении него уголовного дела, прекращенного в связи с примирением сторон, могло в установленном законом порядке повлечь его увольнение со службы по иным основаниям (например, в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел).

До вступления в силу оспариваемого законоположения сотрудник органов внутренних дел, не возражавший против прекращения в отношении него уголовного преследования по делу частного обвинения в связи с примирением сторон, т.е. по нереабилитирующему основанию (при наличии возражений прекращение уголовного преследования согласно части второй статьи 27 УПК Российской Федерации не допускается), не мог предвидеть последствий процессуальной позиции, которую он занимал во время производства по уголовному делу, для своей будущей служебной деятельности.

Такое регулирование ставит сотрудника органов внутренних дел, уголовное преследование которого по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления в силу оспариваемого законоположения, в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, привлекаемыми к уголовной ответственности по делам, прекращение которых допустимо в связи с примирением сторон, после вступления оспариваемого законоположения в силу, что противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3).

Кроме того, пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предполагает, что уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел при решении вопроса об увольнении сотрудника органов внутренних дел, а суд – при рассмотрении исковых требований сотрудника о восстановлении на службе вправе принять во внимание его поведение после прекращения в отношении него уголовного преследования, даже если он длительное время после этого продолжал осуществлять правоохранительную деятельность, в том числе прошел, как заявители по настоящему делу, внеочередную аттестацию в соответствии с частью 3 статьи 54 Федерального закона «О полиции», притом что аттестационная комиссия вывод о соответствии или несоответствии аттестуемого сотрудника занимаемой

должности должна была делать на основе всестороннего и объективного изучения его деловых, нравственных и личных качеств, оценки его отношения к выполнению служебных обязанностей, что предполагало и учет обстоятельств, связанных с уголовным преследованием аттестуемого сотрудника в прошлом.

Это означает, что сотрудники органов внутренних дел, основанием увольнения которых послужило прекращение в отношении них уголовного преследования по делам частного обвинения в связи с примирением сторон, имевшее место до вступления пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в силу, не получают реальной защиты своих прав, в том числе судебной защиты, которая, не будучи формальной, должна гарантировать эффективное восстановление в правах в соответствии с законодательно закрепленными критериями (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.). Воспользовавшись своим правом на обращение в суд за разрешением индивидуального спора, такой сотрудник органов внутренних дел имеет возможность обжаловать только саму процедуру увольнения, но не его основание (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П).

Таким образом, положение пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно предполагает обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение его со службы, если в отношении него уголовное преследование по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до

вступления данного положения в силу, – не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3).

3.2. Согласно статье 10 УК Российской Федерации уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость (часть первая); если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом (часть вторая).

Тем самым предполагается, что законодатель, принимая закон, устраняющий или смягчающий уголовную ответственность и, следовательно, являющийся актом, который по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных преступлений и правовой статус лиц, их совершивших, не может не предусмотреть – исходя из конституционно обусловленной обязательности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния – механизм придания ему обратной силы, а правоприменительные органы, в том числе суды, уполномоченные на принятие во исполнение этого закона юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от уголовной ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса данных лиц, не вправе уклоняться от его применения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 18 июля 2013 года № 19-П).

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о правовых последствиях совершения уголовно-наказуемого деяния лицами, осуществлявшими педагогическую и иную профессиональную деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних,

организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (Постановление от 18 июля 2013 года № 19-П), указал, что без учета воли федерального законодателя, устранившего преступность и наказуемость деяния, лица, подвергнутые уголовному преследованию и осуждению до принятия уголовного закона, устраняющего уголовную ответственность, попадали бы под установленные в Трудовом кодексе Российской Федерации ограничения, находясь в неравном положении с теми лицами, которые совершили аналогичные деяния после вступления в силу нового уголовного закона, исключающего возможность уголовного преследования и осуждения данных лиц по приговору суда, и на которых установленные трудовым законодательством ограничения уже не распространялись бы. Тем самым нарушались бы указанные конституционные принципы и вытекающие из них критерии действия закона во времени и по кругу лиц, в силу которых совершение деяния, которое впоследствии утратило уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничения трудовых прав, как совершение преступления. Это требование распространяется на все декриминализованные деяния независимо от времени их совершения и на всех лиц, в том числе тех, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что взаимосвязанные положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают наступление предусмотренных ими неблагоприятных последствий в связи с совершением лицом деяния без учета его законодательной оценки в новом уголовном законе, устраняющем уголовную ответственность, не соответствуют

Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 37 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3).

Из этого следует, что при применении пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующего служебные отношения, вступая в которые гражданин реализует закрепленное статьей 37 Конституции Российской Федерации право на труд, необходимо учитывать волю федерального законодателя, который устранил преступность и наказуемость того или иного деяния.

Между тем правоприменительная практика придает названному положению в его взаимосвязи с частью первой статьи 10 УК Российской Федерации иной смысл, рассматривая их как не допускающие распространение действия нового уголовного закона, которым соответствующие деяния более не признаются преступлениями, на граждан, увольняемых со службы в органах внутренних дел, о чем свидетельствует, в частности, дело гражданина Е.В.Тарышкина: при рассмотрении вопроса о его увольнении со службы суд общей юрисдикции отказался распространить на него новый уголовный закон, которым инкриминировавшееся ему деяние было декриминализовано.

Правовое регулирование, предполагающее обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение со службы сотрудника, в отношении которого уголовное преследование по делу частного обвинения в связи с примирением сторон прекращено до вступления рассматриваемого законоположения в силу, – притом что деяние, в связи с совершением которого он привлекался к уголовной ответственности, впоследствии декриминализовано – ставит его в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, совершившими аналогичные деяния после их декриминализации, и в силу этого не

соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, нарушает конституционные права увольняемого лица.

Таким образом, положение пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, в системе действующего правового регулирования оно допускает наступление предусмотренных им неблагоприятных последствий в связи с совершением сотрудником органов внутренних дел деяния, которое на момент решения вопроса о расторжении с ним контракта о прохождении службы и увольнения его со службы не признается преступлением.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47¹, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»:

не соответствующим статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно предполагает обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение его со службы, если в отношении него уголовное преследование по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления данного законоположения в силу;

не соответствующим статьям 19 (часть 1), 37 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, в системе действующего правового регулирования оно допускает наступление предусмотренных им неблагоприятных последствий в связи с совершением сотрудником органов внутренних дел деяния, которое на момент решения вопроса о расторжении с ним контракта о прохождении службы и увольнения его со службы не признается преступлением.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на этих требованиях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

3. Правоприменительные решения по делам граждан Асельдерева Ахмеда Магомедовича, Рабаданова Курбана Гасановича, Сулейманова Гасана Курбановича и Тарышкина Евгения Викторовича, основанные на положении пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой оно признано настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 7-П